

ПРОЕКТ «АМУРСКИЙ ТИГР» - ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Юрий Шадрин

Проекту «Амурский тигр» - совместной научно-исследовательской программе Сихотэ-Алинского заповедника и Общества сохранения диких животных (WCS) - исполнилось 15 лет. Кто-то, может, даже не

поверит сразу – неужели эта по-своему грандиозная программа продолжается уже полтора десятилетия? Я и сам слегка удивился. Однако жива ещё моя старая записная книжка, датированная 1992 годом, в которой я делал короткие записи во время встречи инициативной группы учёных с журналистами. Я был одним из первых газетчиков, написавших тогда о начале проекта.

Вместе с записной книжкой сохранилась в моём архиве и магнитофонная кассета с той встречи. На ней Дэйл Микелл говорит ещё исключительно на английском. Мы вместе слушаем запись, и Дэйл даже как будто удивляется: ведь сегодня он свободно изъясняется по-русски.

Дэйл Микелл

Американский учёный-биолог Дэйл Микелл – олицетворение, главная движущая сила этого проекта, его, если хотите, символ. Хотя, наверное, символом тут является всё же сам тигр :)

Ну, а Дэйл Микелл – наш сегодняшний гость и собеседник. При этом время от времени в разговор будет вступать кандидат биологических наук Евгений Смирнов.

В нужное время в нужном месте

В основе любого хорошего дела нередко лежит счастливый случай. Порой даже несколько таких случаев. Проект «Амурский тигр» – наглядный тому пример. Конечно, идея такого проекта, скажем так, витала в воздухе: ареал и численность тигра сократились к определённому моменту настолько, что возникла насущная и довольно срочная необходимость как-то решать эту проблему. Однако при этом идея должна была найти тех, кто захочет и сможет воплотить её в реальность, – людей знающих, опытных и... одержимых. Идея должна была найти их, а они – друг друга.

Евгений Смирнов

Первой из таких закономерных случайностей стала встреча у вечернего костра в национальном парке в Айдахо советского академика Юрия Пузаченко с американскими учёными-энтузиастами Ховардом Куигли и Морисом Хорнокером. Шёл 1989 год, но люди, встречаясь, говорили не только о перестройке. Русский учёный среди прочего повёл речь об амурском тигре – и тут в разговоре проскочила первая искра будущего проекта. А ближе к ночи в общих чертах оформились его контуры. Довольные друг другом собеседники и не предполагали, сколько трудностей ждёт их впереди.

Вторая счастливая случайность произошла в 1991 году. К тому времени многие из упомянутых трудностей были уже позади, идея исподволь трансформировалась в нечто реальное, стала предметом договора учёных двух стран о сотрудничестве в деле охраны и изучения амурского тигра. Было определено место стационара проекта – Сихотэ-Алинский заповедник, Терней. Но... пока так и не был найден человек, который мог бы стать координатором полевых работ, постоянно руководить работой на месте, быть душой и двигателем программы. Вопрос вновь решился если и не у костра, то всё равно за ужином, когда за столом встретились супруги Куигли и Дэйл Микелл.

К числу таких счастливых совпадений можно отнести и приезд в Терней биолога Джона Гудрича в 1995 году. Дэйл называет всё это – «когда нужные люди встречаются в нужное время в нужном месте».

Как было, как будет

Шадрин: - Дэйл, а рабочее настроение тех лет сохранилось?

Дэйл Микелл: - Да. Я помню: когда я приехал пятнадцать лет назад, мне всё время казалось, что вы слишком оптимисты, что столько, сколько вы хотите, не получится. Но я и тогда говорил, и теперь говорю: если бы не ваш оптимизм – было бы просто невозможно как-то наладить жизнь. Несмотря на то, что вокруг столько проблем, вы смотрите вперёд с оптимизмом, не опускаете руки... Я тоже оптимист. У меня есть чёткое представление о том, какие задачи мы решаем, и я добиваюсь, чтобы они были выполнены наилучшим образом.

Ольга - первый амурский тигр с радиоошейником

Ш: - Если бы вы тогда имели сегодняшний опыт – кинулись бы в этот омут?

Дэйл смеётся. Но вопрос-то серьёзный.

- Вопрос очень интересный... Возможно, я что-то делал бы по-другому. Но тем не менее – кинулся бы... потому что я всё равно не догадывался бы, что будет так сложно...

Ш: - Действительно, 92-93 годы были, пожалуй, самыми трудными для нашей страны. И, думается, во многих инстанциях вы наверняка слышали: «А пошли бы вы подальше со своими тиграми...»

Д.М.: - Да. Я скажу, что до определённой степени таких людей хватает и сейчас. Для них важны не тигр, не лес, не природа, а нефть, золото, деньги – и как можно больше. Но я думаю, что это вполне объяснимый общественный процесс.

Ш: - 15 лет – это своего рода века, юбилей. Какой-то определённый, законченный «тигровый круг» – он есть? Да, я понимаю, программа всегда будет в середине пути, но ведь есть же и что-то законченное?

Д.М.: - Я вижу всё это как процесс, который, конечно же, состоит из этапов – но продолжается постоянно... Даже если что-то не до конца получается – всё равно есть несколько таких моментов, которые можно назвать итогами.

Я считаю одним из главных итогов то, что и в целом в России, и здесь, в Тернее, люди хорошо поняли: тигр – это редкий вид, это жемчужина Дальнего Востока. Поняли, думается, не только из-за нашей работы, но и вообще. Озабоченность в отношении тигра как со стороны российских учёных, так и на международном уровне заставила местных жителей понять: здесь есть что-то особенное.

Когда мы приехали сюда, никто, кроме нескольких биологов, не знал истинную ситуацию по тигру. Биологи-то знали – а для остальных людей, причём во всём мире, это было тёмное пятно. Никто ничего не знал о «статусе» этого зверя, о том, много ли в тайге тигров, или совсем мало... а сейчас не только знают, но ещё и вкладывают достаточно много денег для того, чтобы сохранять здесь тигра. Это тоже большой плюс. И это тоже можно назвать неким итогом нашей работы.

Ш: - Несомненно, есть на сегодня какой-то промежуточный результат и по научной части. Как бы вы его оценили?

Д.М.: - Мы получили большой объём важной и полезной информации. Конечно же, до нашего проекта было очень много людей, которые работали с амурским тигром. И Евгений Николаевич Смирнов, который присутствует при нашем разговоре, и Матюшкин, и Юдаков, Николаев, Пикунов... Можно много имён называть – и Капланова с Абрамовым, конечно, в первую очередь. Но всё равно, я думаю, понимание биологии тигра сейчас выше, чем тогда.

Ш: - То есть качественный шаг сделан?

Евгений Смирнов: - Это не просто шаг. Это скачок. Потому что Капланов – это один уровень, Матюшкин – это другой, а нынешний проект – третий уровень, значительно выше. Это коллективная, групповая работа. Матюшкин работал 15 лет, Капланов немного меньше, Смирнов много лет отработал, но когда один – ты ничего не сделаешь. Нет, сделаешь, конечно, но мало.

Ш: - Но опыт каждого времени всё равно уникален, не так ли? Ведь ту эпоху не вернёшь. И те данные уже не перепроверишь. Надо им либо доверять... либо не доверять.

Е.С.: - Конечно.

Ш: - Причём, я думаю, надо всё-таки доверять. Это была наука, а значит она, пусть тогдашними методами, но добивалась объективных результатов. Учитывая энтузиазм и самоотверженность, дотошность и научную честность исследователей-пионеров, их научные и статистические данные должны быть весьма строгими.

Е.С.: - Так оно и есть. Но проект «Амурский тигр» – это был скачок. И не просто был, он и сегодня продолжается. Кстати, мы в рамках проекта исследовали не только тигра, но и леопарда, и изюбря, и кабана, и рысь. И всех метили.

Ш: - При помощи ошейников?

Е.С.: - Да.

Ш: - Кстати, у меня вопрос по ошейникам. Ведь это достаточно большое и тяжёлое приспособление. А разве не пришло время небольших датчиков? Быть может, удобней было бы вшивать маленькие чипы под кожу тигра? Только не смейтесь над вопросом, ведь я не специалист...

Д.М.: - Да, можно ставить чипы, но для того чтобы получать сигнал, нужно быть поблизости и на открытой местности.

Ш: - А как же в детективах? Там злодея с чипом отслеживают по всей планете.

Дэйл смеётся:

- В жизни всё чуть иначе. Но вообще-то есть такие ошейники – GPS-ки, у которых похожая система, и можно принципиально это делать...

Ш: - Словом, вы всё равно от этих тяжёлых ошейников со временем уйдёте?

Д.М.: - Да. Но мы долго не использовали другие технологии по двум причинам. Первая – они требуют много энергии, и батарейки быстро садятся, через год-два ошейник приходит в негодность. А для нас главное – следить за зверем продолжительное время. И второе – наши ошейники до последнего времени были достаточно большие, мы переживали, что, возможно, они мешают тигру укунуть что-то крупное. Сейчас ошейники меньше, батарейки более сильные, и мы имеем возможность хоть каждый час (а мы это делаем два раза в сутки) делать локацию и отслеживать местонахождение тигра. Это совсем другой уровень, нежели в самом начале проекта.

Ш: - То есть это будут своего рода ретрансляторы?

Д.М.: - Есть разные системы, но, в принципе, ошейники мы будем использовать. Связь с ошейником надёжная, данные мы получаем регулярно – можно раз в неделю, можно каждый день... В ошейнике есть как бы маленький компьютер, чип, который скапливает данные локации и потом отправляет.

Е.С.: - Да и методика работы с ошейниками хорошо отработана. Ошейник надо переодеть – вылетаем в тайгу на МИ-8. Для лётчиков тут непростая задача, это тебе не пассажирский рейс. Надо тигра найти, увидеть, надо его иммобилизовать, то есть обездвигнуть, надо спустить людей на землю, а в лесу, как правило, трудно подыскать место для посадки.

Спуск с вертолета к обездвиженному тигру

Ш: - Ампулу со снотворным снайпер выстреливает прямо из вертолѐта?

Е.С.: - Да. Потом вертолѐт садится – обычно это приходится делать где-нибудь далеко, где есть удобная площадка. А перед этим вертолѐтчики спускают биологов на землю при помощи спускового устройства. Потом забирают таким же путѐм. Либо договариваются встретиться там, где вертолѐт может сесть, и тогда биологи идут пешком. Всегда по-разному, но всегда это непростая задача.

Д.М.: - Это самая сложная и, наверное, самая опасная задача.

Ш: - О методике усыпления зверя и надевания ошейника я особо ни расспрашивать, ни расписывать не буду. Местные жители про это не раз слышали, об этом много писалось, а я очевидцем не был... Зато о работе тех, кто не является членом вашей команды хотелось бы поговорить. Тернейский врач-хирург Владимир Семенченко рассказывал, как ему дважды приходилось в тайге оказывать помощь... одному и тому же тигру. С интервалом в несколько лет.

Д.М.: – Не только Семенченко работал с нами в лесу. Ветврач Евгений Слабый нам тоже помогал много раз. Поэтому можно сказать, что они, эти люди, – часть нашей команды. Мы ценим их помощь. И если возникает ситуация, когда нужен ветврач, мы обращаемся к ним. Слабый принимал участие и в лечении тигрицы Мурки, у которой была чумка. Она умирала и, увы, умерла от собачьей чумки. Никто никогда не знал, что тигр может болеть собачьей чумкой.

Ш: - А обычно чем тигры болеют?.. Когда тридцать лет назад я общался с тигроловами в селе Ариадном, они спешили доставить двух только что пойманных почти взрослых тигрят в Дальнереченск, на зообазу. Спешили в первую очередь потому, что тиграм нужно было сделать укол от кошачьего энтерита. Почему-то риск заболеть энтеритом повышается в неволе. Я навсегда запомнил это название, а также то, что укол ставится в хвост. А много ли других «тигриных» болезней?

Е.С.: – У тигров свои болячки. Мы их пока не изучили. Генетикой – занялись впервые. Больных и так называемых проблемных тигров теперь возят на обследование в Уссурийск, и врачи смотрят: чем же они болеют? Причѐм врачи не только русские, но и англичане, американцы, немцы. А болезни самые разные. У нас на Благодатном, когда тигрицу Лену убили, жили четыре тигрѐнка. Два из них издохли по причине... грыжи. Это определила ветеринар из Америки Кэти Куигли. В общем, у тигров самые разные болезни, мы про них почти ничего не знаем. Я бы вообще о тигре так сказал: пока что мы всё равно о нём мало знаем...

Д.М.: ...но пытаемся узнать и постоянно узнаѐм что-нибудь новое.

Наука и поэзия. Поэзия науки

Два года назад во Владивостоке вышла большая монография «Тигры Сихотэ-Алинского заповедника: экология и сохранение». Книга эта – некий промежуточный итог большой исследовательской работы, проведѐнной в рамках проекта. В ней множество научных статей, таблиц, диаграмм и других иллюстраций. То есть, казалось бы, в ней есть всё, чтобы посторонний человек сразу заскучал, начал зевать и думать о чём-нибудь более интересном...

А вот и не так! Когда я начал её листать, то не успел заскучать – эта книга захватывает. Конечно, не так, как приключенческий роман, но своя внутренняя динамика, некая интрига и даже, я бы сказал, сюжет – они здесь есть. А поскольку у книги около четырёх десятков авторов, то и по части стиля и слога разнообразие гарантировано. Есть главы по-настоящему увлекательного чтения, особенно те, что посвящёны зарождению и первоначальному воплощению идеи проекта.

Едва начав читать введение к книге, написанное Дэйлом Микеллом, я сразу увидел: это пишет... поэт, человек, тонко чувствующий красоту и умеющий передать это чувство. Наука и поэзия часто странным образом переплетаются друг с другом. Примером может служить завораживающая красота самых простых и самых сложных формул. А Дэйл, во-первых, работает с очень красивым зверем. Во-вторых, красивы в его работах даже обычные графики и схемы. А вдобавок ещё и язык – очень красивый и образный. Сравнения неожиданны, не банальны, яркие, а звери носят человеческие имена. И ты уже видишь, как соединяются наука и хорошая литература (во всяком случае, научно-популярная).

Ш: - Дэйл, вы ставили перед собой задачу – писать так, чтобы было интересно не только узкому кругу ваших коллег-учёных, но и множеству людей?

Д.М.: – Нет, пожалуй. Просто я пишу о том, что мне самому интересно, что является для меня делом жизни. А вот Евгений Николаевич – он у нас ещё и литератор. Он много сделал для популяризации нашей работы, для привлечения внимания широкой публики к тигриным, к таёжным проблемам... Он умеет писать и для взрослых, и для детей, а это очень сложно.

Сейчас он начал новую серию кратких рассказов в местной газете об обитателях тайги... Это очень важно, и мне нравится, что Евгений Николаевич этим занимается. Мы пытаемся решать такую задачу и на английском языке...

Ш: - И тут вопрос – насколько о вашем проекте знают в Америке? Только ли в университетских кругах, или и широкая публика тоже?

Д.М.: – О проекте знает очень много людей. Были сняты два кинофильма на английском (был и русский перевод). У нас выходит много статей в различных американских изданиях. Почти каждый год сюда приезжает какая-нибудь кинокоманда из Штатов и что-то снимает. Так что у нас достаточно известный и популярный проект. У многих становится более тёплым отношение к России именно из-за её отношения к амурскому тигру. Из-за этого и финансирование лучше идёт, причём не только нашего проекта. Хороший, удачный пример «Амурского тигра» помогает и другим проектам. Что самое интересное – и проектам в самой Америке – тоже.

Лесная школа

Е.Н. Смирнов, М.Н. Громыко и А.А. Астафьев

Ш: - Дэйл, расскажите о своей команде – как её видите именно вы.

Д.М.: - Для меня самая приятная часть работы – это ощущение команды, которая собралась здесь. В конце концов, это случайность, что именно мы попали именно в Терней. Но я знаю одно: если бы мы начинали этот проект в другом месте, в другом заповеднике, то проект давно бы закончился. А он продолжается, потому что есть такие люди, есть наша команда. Я могу сказать, что если бы не директор Сихотэ-Алинского заповедника, Анатолий Алексеевич Астафьев, мы бы не смогли сделать и сотой доли того, что сделали.

Именно благодаря его поддержке, всестороннему участию и мудрым советам наш

Николай Рыбин

проект существует и успешно работает уже столько лет. Его заместитель по научной работе Михаил Николаевич Громыко много лет помогал нам в решении различных вопросов, связанных с работой проекта, а Евгений Николаевич Смирнов отдал жизнь этой работе...

Знаете, когда мы работаем, и надо обездвижить тигра или медведя – а это очень опасная ситуация, – то, можно сказать, мы как солдаты на войне. Мы всегда вместе как команда, мы работаем как команда. И я уже давно говорю, что после трудной работы мы продолжаем быть такой командой, как солдаты после боя, уже в безопасном месте. Мы становимся друг другу ближе, ибо появляется какая-то особая связь, немного необычная для мирного времени. Как и солдат, нас сближает опасность и общая задача. Мне ещё кажется, что люди, которых влечёт наша работа, уже заранее хорошие люди – которые любят природу, любят быть на природе, любят зверей и работу с ними. У нас уникальная группа.

Взять, к примеру, Николая Рыбина, он начал работать в 92-м году. Он работал лесником в заповеднике, случайно был в том месте, где мы

Джон Гудрич

поймали трёх тигров в один день – и это было как толчок: поймать ли ещё? – это его захватило, и с тех пор он работает в проекте.

Джон Гудрич приехал сюда в 95-м, через три года после меня, и он тоже сразу был захвачен этой работой. У нас настолько интересная и уникальная работа, что человеку очень сложно с ней расстаться. Если охотовед или биолог поработал в нашем проекте, то спросите его: куда ещё можно идти после амурского тигра?! Тут настолько интересно, что просто невозможно отсюда уйти. После этого ничто не может быть настолько же интересным.

Барт Шляйер был из всей нашей команды самый талантливый и интересный человек. Он был такой человек... Он был готов отдать другому всё, что у него есть. Он мог отдать последнее. Он был как святой. К сожалению, он был с нами очень мало времени. Он рано ушёл из жизни – любимцы богов умирают рано. Мы его помним, мы никогда не забудем, сколько он дал нам – и проекту, и каждому из нас. Уникальный человек.

Барт Шляйер

И вообще, наша команда просто очень удачная. Не было бы такой команды – проект не смог бы работать столь долгое время.

Ш: - А сколько человек вообще участвуют в проекте?

Д.М.: - О, я даже не знаю, как считать... На сегодня – у нас несколько проектов идёт. Только по тигру – шесть групп.

Можно считать тигров в тайге по-разному, в том числе и используя фотоловушки. Мы ставим фотоловушки в лесу и фотографируем тигров. Каждый тигр уникален. Они даже полосаты по-разному. Мы можем сразу понять, тот это тигр или другой. Это как отпечатки пальцев. Есть команда, четыре человека, которые занимаются этим.

Проект продолжается. Но мы, его руководители, сейчас немного переживаем: кто завтра будет заниматься нашей работой, продолжит её? Я уже не молодой... Евгения Николаевича уже можно называть пожилым, да и Джон уже не юноша. Поэтому мы пытаемся создать центр для молодых биологов, которые могут приезжать сюда и заниматься тигром – да не обязательно тигром, а и чем-то другим.

Сихотэ-Алинский научно-исследовательский центр в Тернее

Например, есть молодой американец, который приезжает сюда и занимается рыбным филином. Он и другие биологи уже работали под нашей крышей. Мы построили офис в Тернее именно для молодёжи – аспирантов, студентов, которые могли бы приехать сюда (иностранцы или русские – неважно) и вместе работать, вместе заниматься... Главное для меня, чтобы молодые русские ребята понимали, что это важно, и чувствовали какую-то гордость за то, что они участвуют в этом процессе. Мы используем наш проект как фундамент для формирования и для учёбы молодых.

Скоро должна приехать американка-ботаник, которая работает над диссертацией. Мы уже заключили договор с заповедником, и она будет заниматься исследованиями о действии глобальных изменений климата на места обитания тигра. То есть попытается сделать прогноз: что будет, если здесь произойдут изменения температуры, какое влияние это окажет на тигра... Как видите, число разных вопросов, в которых мы можем помочь молодым исследователям, чрезвычайно велико.

Ш: - Евгений Николаевич, я помню, в одной из наших бесед четверть века назад вы говорили о бесконечности вопросов по тигру. Мол, мы ничего не знаем пока о тигре – и никогда толком ничего не узнаем.

Е.С.: - И не только по тигру.

Ш: - Помню, вы говорили: возьми у тигра одну волосинку – мы и о ней тоже миллион вещей не знаем. Можно над исследованием этой волосинки работать всю жизнь. И так каждый орган, каждый коготок. При этом зверь на воле и зверь в клетке – совершенно разные звери. Даже если у нас будет целый зоопарк тигров – это будет совсем не то.

Д.М. и Е.С. в один голос: - Да, это совсем не то...

Есть ли в Америке тайга?

Ш: - Дэйл, расскажите о себе. Кто вы, откуда? Каким вы были мальчишкой?

Д.М.: - Я родился в Бостоне, Массачусетс, это восток. На севере и востоке США есть много мест, похожих на Приморский край, и часто, прилетая сюда, я чувствую себя так, будто приехал домой. Речь, конечно, не о посёлке, а просто о лесе. Лес, ландшафт очень похожи, природа похожа. Возможно, это одна из причин того, что я так долго могу здесь жить. Но – там нет тигра, нет медведя.

Ш: - Вы родились в городе или в деревне?

Д.М.: - Родился в городе, но жил в пригороде, километрах в тридцати от Бостона. Если сравнивать с Владивостоком, то примерно как в Садгороде.

В университете первые два года я занимался литературой, должен был стать филологом, учителем. Потом я побывал на западе США, увидел тамошний лес, зверя – и на следующий год сменил факультет и занялся биологией. Это стало для меня главным. Десять лет я занимался исследованиями по лосю – очень интересному крупному копытному.

Ш: - Так вы в какой-то мере повторили профессиональные пристрастия Льва Капланова...

Д. Микелл и И. Середкин осматривают молодого самца амурского тигра

Д.М.: - Вот-вот, да! И случайно, когда я в аспирантуре занимался своей диссертацией, одна научная экспедиция искала сотрудника для поездки в Непал для работы с тигром. «А почему бы и нет? Всего один год». Эта поездка поменяла всю мою жизнь. Я увидел другую страну, другую экосистему, увидел других зверей, которых никогда не видел, – и осознал необходимость срочных мер по сохранению этих животных, которых очень мало. После этого я начал думать уже более масштабно, на международном уровне – что можно сделать, что, где и как нужно делать.

Возможность приехать сюда, в Россию, тоже выпала случайно. Я был хорошим знакомым Ховарда Куигли, а они с Морисом Хорнокером как раз искали человека, который мог бы приехать сюда и жить здесь три года. Искали того, кто мог бы возглавить здесь всю работу. До этого я никогда не думал, что поеду в Россию, у меня желания такого не возникало. Но когда предложили ехать сюда заниматься тигром – я не мог отказаться. Я подумал: три года – это не так уж и много. Три года пробуду – и назад. Но Терней поймал меня на свой крючок.

А наша главная задача, как я её вижу, – передать следующему поколению русского народа здоровую, хорошую популяцию тигра.

Ш: - Дэйл, кем вы стали больше за это время – русским или тернейцем?

Д.М.: - Да, это хороший вопрос. Я не могу сказать, что я русский, но тернеец – точно! Пусть я немного необычный член тернейского сообщества, но всё равно я чувствую себя полноценной его частью.

Сколько тигров в нашем крае?

Ш: - Теперь вопрос, который вам, видимо, задают всегда – и будут задавать: сколько у нас тигров, и стало ли их больше? Я понимаю, что на этот вопрос никто никогда не ответит точно... но всё же? Если не по Приморью, то хотя бы по заповеднику какую-то «приблизительно точную» цифру можно назвать?

Е.С.: - Вот у нас в монографии написано: в таком-то году 33-26, в другой какой-то год 28-42 – а точно и быть не может. Слава Богу, хоть цифры выросли. А то ведь когда-то писали: «3-4 тигра, из них самцов – 0-1».

Лев Капланов в конце 30-х годов прошлого века посчитал и сказал, что амурских тигров осталось менее трёх десятков... Что делать? Ведь сохранить редкие виды животных и растений совсем не просто, ежегодно их становится всё меньше и меньше, а людей все больше и больше.

И в 1947 году правительством СССР был принят закон о запрещении отстрела тигров, а в 1956 году – об ограничении отлова тигрят. И количество тигров медленно, но неуклонно стало возрастать. Настал момент, когда тигров стало гораздо больше, чем раньше – может быть, даже больше, чем когда-либо. Это 80-е годы прошлого века. Тигры перестали бояться избушек, дорог, людей, стали нападать на домашних животных. Появилась проблема сосуществования хищника и человека.

Но и такое положение просуществовало недолго. Перестройка и последовавший за ней дурацкий анархический период развязали руки браконьерам, причем не только отечественным. Кривая численности тигров вновь резко пошла вниз... Наш проект всё же был преградой на пути беспощадного истребления полосатого хищника: территория заповедника стала (не в первый раз) защищённым местом, питомником для тигра.

Д.М.: - Я могу только сказать, что последний фронтальный учёт мы проводили в 2005 году, и в результате численность тигров была определена цифрой от 431 до 502 особей. Это всего – и взрослые, и молодые, и тигрята. И это почти то же самое, что и десять лет назад – в 1996 году тоже был учёт.

Ш: - Существует ли какой-то оптимум? Может, это как раз он?

Д.М.: - Я не могу сказать, что это оптимум. Это, скорее показатель: сколько тигров может жить СЕЙЧАС в приморской тайге. На них идёт давление – и технократическое, и браконьерское. Браконьерская охота на тигра и на копытных продолжается. Копытных могло бы быть больше, чем сейчас. Будет больше копытных – вполне может быть больше и тигров. Ну, а по условиям, которые существуют сегодня, – я думаю, что это максимум.

Е.С.: - Позволю себе пошутить. Это не оптимум. Это конкретное де-факто. А оптимум – это де-юре.

Ш: - Видимо, споры здесь никогда не кончатся. Наверняка здесь всегда есть минималисты и максималисты.

Д.М.: - Да.

Наша команда и представители головного офиса из Нью-Йорка на встрече в Тернее в 2003 г.

Ш: - Даже, возможно, в пределах вашей группы...

Д.М.: - Конечно.

Ш: - И дай Бог, чтобы этот спор был бесконечным!

Д.М.: - Да. Ведь это и будет движение вперёд.

Подводя итог разговора, скажу так: главную его мысль Дэйл выразил словами про нужных людей в нужное время в нужном месте. Эти люди были сведены вместе судьбой и неким тигриным богом...

А я со своей стороны хотел бы заметить, что проект «Амурский тигр» – это ведь

огромной воспитательной силы штука для Тернея. Она интересным образом не только приобщила местных жителей к неким космополитическим проблемам, но и внесла в их души доброе, нужное начало,

дала своё и в то же время интересующее весь мир полезное дело. Наличие в районе заповедника – вообще великий подарок судьбы для тернейцев...

Проект продолжает работать уже 15 лет. За это время помечено около 60 тигров, 46 медведей, 6 кабанов, 4 рыси, несколько изюбрей. За каждым зверем ежедневно велось радиослежение. Материал более чем богатый. Учёные узнали много нового по биологии каждого вида, значительно больше, чем за предыдущие 100 лет; опубликовали множество научных статей в российской и зарубежной печати.

Е.С.: - Хочу добавить, что в команде работает много молодых людей, причём есть среди них представители «династий» – дети сотрудников заповедника. Это, к примеру, сын Сергея Елсукова Иван, сын Елены Потиха Сергей Дубров, Сергей Раткин, Светлана Сутырина – всё это молодёжь, будущее проекта. Все они работают с удовольствием.

Д.М.: - А я хочу ещё немного сказать про Джона. Он очень опытный биолог, прекрасно справляется со своей работой. Нужен особый характер, чтобы приехать и жить в Тернее. Для Джона Терней тоже стал своим, он связал с этим местом свою жизнь. Это не так просто для иностранца. Он нашёл своё место, нашёл жену, она у него русская – Ирина. Он просто молодец. Переоценить его помощь, его роль в проекте невозможно – и на международном уровне, и на местном.

Ш: - До его приезда сюда вы не были знакомы?

Д.М.: - Нет. Мы даже не знали друг про друга. А сегодня я сказал бы, что Джон – это человек, который, как клей, держит наши проекты... да, вы правы – цементирует. Мне часто приходится уезжать – есть другие проекты, есть поездки во Владивосток, в США – если бы не было Джона, было бы очень сложно.

Е.С.: - Ну, а завершить интервью можешь сообщением о том, что у Дэйла тоже русская жена. Зовут её Марина.

2007 год, ноябрь

<http://www.proza.ru/2008/01/24/411>